

MORTEN A. STRØKSNES

HAVBOKA

ELLER

KUNSTEN Å FANGE
EN KJEMPEHAI FRA
EN GUMMIBÅT
PÅ ET STORT HAV
GJENNOM FIRE
ÅRSTIDER

МОРТЕН А. СТРЁКСНЕС

ВРЕМЕНА МОРЯ,

или

КАК МЫ ЛОВИЛИ

ВОТ ТАКЕННУЮ

АКУЛУ

С ВОТ ТАКУСЕНЬКОЙ

НАДУВНОЙ

ЛОДКИ

Перевод с норвежского

Руслана Косынкина

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.113.5-311.3
ББК 84(4Нор)-44
С84

Published by agreement with
COPENHAGEN LITERARY AGENCY APS, COPENHAGEN

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Стрёкснес, Мортен Андреас.

С84 **Времена моря, или Как мы ловили вот такенную акулу с вот такусенькой надувной лодки / МОРТЕН А. СТРЁКСНЕС; перевод с норвежского Р. КОСЫНКИНА. — Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2020. — 304 с. — (100%.doc).**

ISBN 978-5-17-105196-9

“Времена моря” — это удивительный сплав психологического романа-путешествия и приключенческой прозы с элементами семейной саги. История погони за огромной гренландской акулой в водах Норвегии, перекликаясь с “Моби Диком” Мелвилла и “Стариком и морем” Хемингуэя, поражает и привлекает своей интонацией, дружелюбной и на удивление уважительной по отношению к морским обитателям, даже если это огромное и мрачное страшилище, вроде акулы. Рассказ о ловле монстра изящно сопряжен с воспоминаниями двух главных героев о судьбах их семейств, со старыми легендами о древних подводных чудищах и с профессиональными рыбацкими советами.

УДК 821.113.5-311.3
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-105196-9

- © by Morten A. Strøksnes and Forlaget Oktober, Oslo, 2015
- © Р. Косынкин, перевод на русский язык, 2020
- © Egil Haraldsen, cover and interior illustrations
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020
- © ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТО

11

ОСЕНЬ

89

ЗИМА

155

ВЕСНА

203

ПРИМЕЧАНИЯ

283

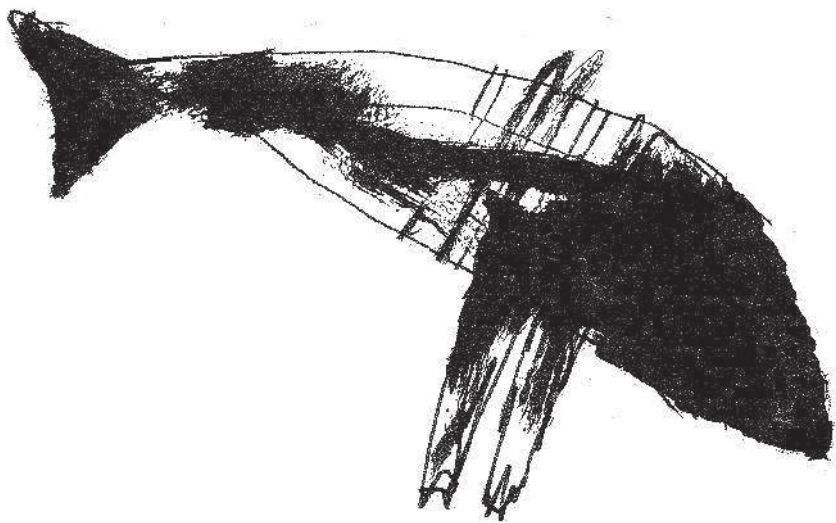
БЛАГОДАРНОСТИ

297

*Нисходил ли ты во глубину моря
и входил ли в исследование бездны?*

КНИГА ИОВА, 38:11

ЛЕТО

1 Три с половиной миллиарда лет минуло с зарождения в океане первого примитивного организма до того июльского вечера, когда в самый разгар веселья в центре Осло мне позвонил Хуго Осьюрд.

— Прогноз погоды на следующую неделю видел?

Долго мы с ним ждали особой погоды. Не солнца, не тепла, ни даже вёдра. Нет, мы ждали, когда наконец стихнут ветры, гуляющие на просторах между Будё и Лофотенским архипелагом, а точнее — в Вест-фьорде. А уж если ждешь штиля с Вест-фьорда, тут наберись терпения. Неделями скрупулезно читал я метеосводки. Сила ветра колебалась с четырех до восьми баллов, но так и не снизилась до слабого, легкого или тихого. Устав ждать, я забросил метеосводки и забылся в каникулярном ритме летнего Осло — сонной чересполосице теплых дней и нежных ночей.

Очнулся я от голоса Хуго — товарищ мой ненавидит звонить и уж если звонит, то по самой крайней надобности, — похоже, пообещали, что погода установится надолго, догадался я.

— Завтра куплю билет, в понедельник вечером прилечу в Будё, — сказал я.

— Отлично! Пока (*конец связи*).

По пути в Будё я разглядывал в иллюминатор проплывавший подо мной пейзаж, который рисовался мне дном древнего океана. Два миллиарда лет назад земная суша

была полностью скрыта под водой, если не считать горстки островков, разбросанных там и сям. Мировой океан даже в наш век занимает свыше семидесяти процентов поверхности Земли. Как писал кто-то, нашу планету правильной было бы назвать не Землей, а Океаном.

Горы, леса, равнины сменяли друг друга, и так до самого Хельгеланна. Тут взору моему открылись фьорды и вспененное море — оно уходило на запад до самого горизонта и там сливалось с небосклоном, превращаясь в дымку с пепельным отливом цвета птичьего пера. Вырвавшись из Осло на норвежский север, я всякий раз словно освобождаюсь от уз — от стесненных пределов, людской суеты, соседей, речушек, озерца, назойливых муравьев. К морю, вольному и бескрайнему, мерному и качающему, словно моряцкая песнь допароходных времен — она звучала во всех уголках океана, во всех старинных гаванях — от Марселя до Ливерпуля, от Сингапура до Монтевидео, — под эту песню матросы тянули канаты, то поднимая, то опуская паруса.

Сошедши на берег, моряк напоминает беспокойного гостя. Даже если он никогда уже не выйдет в море, все разговоры и поведение моряка сведутся к тому, что надолго на суше он не задержится. Тоска по морю — ее не изжить. Море не отпускает моряка, но на вопросы он отвечать не торопится, темнит.

Вот и на прапрадеда моего, должно быть, напала такая же мистическая морская тоска, когда он вдруг бросил шведскую глушь и отправился на запад, через долины и горы. Словно лососиха на нерест, устремился он к верховьям рек, сперва — против течения, потом — вместе с ним, пока наконец не пришел к морю. Сказывают, когда его спросили о причинах этого путешествия, он назвал только одну — что просто обязан был увидеть море воочию. При этом,

правда, и намерения воротиться не выказал ни малейшего. Видимо, ему не слишком улыбалась мысль провести оставшиеся деньки, горбатясь на тощей пашне родной деревни. Прапрадед мой наверняка был романтик, мечтатель на сильных ногах — иначе не добрался бы до побережья. А там на берегу он обзавелся семьей, а после зафрахтовал корабль да и был таков. Корабль утонул где-то в Тихом океане, а с кораблем погиб весь экипаж. Словно бы человек, поднявшись со дна морского, дал зарок непременно вернуться в его пучину. Словно в пучине-то этой и был его настоящий дом и прапрадед всю дорогу знал об этом. Мне, по крайней мере, хочется так думать, когда я вспоминаю о нем.

Море помогло раскрыть поэтический дар Артюра Рембо. Море вложило в уста поэта тот богатый язык, благодаря которому и он сам, и поэзия шагнули в современность. В 1871 году родился *Le Bateau ivre* (“Пьяный корабль”). Главный герой стихотворения, сам корабль, старенькое торговое суденышко, грезит морским раздольем и, отдавшись на волю волн, без руля и ветрил пускается по широкой реке к океану. Там корабль попадает в жестокий шторм и идет на дно, ставши частью его: “С тех пор купался я в Поэме океана / Среди млечности ее, среди отблесков светил / И пожирающих синь неба неустанно / Глубин, где мысль свою утопленник сокрыл”¹.

Сидя в кресле самолета, я силюсь вспомнить еще хоть что-то из “Пьяного корабля”. На ум приходят буруны, рвущиеся на брег подобно обезумевшим стадам, болота, где в вершах тростника гниет кит Левиафан, коричневая пряжа водорослей, притягивающих к себе пьяный корабль и стягивающих его своими путами. Корабль содрогается от брачного рева бегемотов в кромешных топях, натывает на каркасы кораблей, изъеденные клопами и кишашие змеями, встречает золотистых поющих рыб, электрические

полумесяцы, черных коньков — то есть чудеса, в существовании которых люди *уверили* себя сами...

Корабль окружен видениями, заворочен яростью морской стихии и ее освободительной мощью, нескончаемым волнением и ропотом, но вдруг начинает тяготиться всем этим, чувствуя легкое пресыщение. И тут его тянет к родным берегам. Обратно к спокойным черным лужам.

На момент написания стихотворения шестнадцатилетний Рембо ни разу не бывал на море.

2 Хуго живет на острове Энгелёй в коммуне Стейген. Чтобы попасть туда из Будё, я сажусь на паром пароходства “Хуртигрутен” и он везет меня дальше на север, лавируя между островками и крохотными рыбацкими поселками, которые жмутся к самому краю архипелага на семи ветрах. На причале Хуго встречает меня радостной вестью. Похоже, нам свезло. Третьего дня кто-то забил и разделал хайлендского бычка. А обрезки разбросал по кустарнику — только подбирай. Решили отложить это дело до завтра — когда ехали по мосту на Энгелёйе, зарядил дождь. И вот мы стоим перед здоровенным домом Хуго — на самом верху его башня, внизу, в подвале, галерея, а из окон открывается вид на запад, на Вест-фьорд.

Оказавшись во владениях Хуго, невольно ловишь себя на мысли, что угодил в пиратское логово. Одни диковинки, расставленные вокруг гаража, вполне может стать, были добыты во время набегов на побережье, другие обрамляют вход в галерею, словно музейные экспонаты или трофеи. Большинство этих чудес, такие как замшелый нос корабля и кондовые старинные якоря, Хуго выловил в море. В саду красуется винт английского траулера, затонувшего под Скровой. К стене лодочного ангара прибита табличка с надписью на русском. Ее Хуго тоже подобрал

в море. Долгое время он думал, что табличка упала с русского корабля, но позже выяснил, что это — обычная предвыборная агитация откуда-то из-под Архангельска. Сбоку самого большого ангара Хуго построил несколько сараев, а еще конюшню — для пары шетландских пони — Луны и Веслеглоппы. Снаружи ангара или внутри него хранятся лодки. Одну из них, красного дерева, с транцевой кормой, буквально истомившуюся по прогулкам на Ривьере, он кому-то продал.

Хуго ни разу в жизни не ел крабовых палочек. Более того, и не собирался их пробовать. Поев щей из свежей крапивы и любистока, чечевичной каши, домашней колбасы из лосятины и увенчав нашу трапезу бокалом вина, мы удаляемся в галерею. Вообще-то Хуго пишет маслом всякую абстракцию, но тут на севере местным жителям удобнее принимать его полотна за реальные изображения моря и утесов, то есть за мотивы родной им стихии. Их легко понять, ведь картины источают тот особый свет, которым запоминается морская вода здесь, за полярным кругом, даже в зимнюю пору. Манера у Хуго узнаваемая: арктическая синева студеной, ясной полярной ночи, которая, к слову, темна да не совсем. Свет, хотя бы отблесками или вкраплениями, проглядывает во всем спектре. За небосводом угадывается приглушенный, подспудный румянец, а северное сияние того и гляди заиграет психоделическую импровизацию. Несколько картин Хуго написал, когда работал на батарее Дитля на той стороне Энгелёйя, выходящей в открытое море. В войну немцы возвели здесь самый крепкий и дорогой редут в Северной Европе. Сюда свезли десять тысяч германских солдат и советских военнопленных. И те построили один из крупнейших городов в Северной Норвегии: синематограф, госпиталь, казармы, столовые и даже бордели, в которых работали женщины из Германии и Польши. По всему периметру понастави-